

— Денис Пеков —

ТИША

и
Ночной Кошмар

Денис Пеков

Тиша и Ночной Кошмар

<https://litres.ru/74388439>

SelfPub; 2026

Аннотация

Маленький мышонок Тиша привык к тихой жизни под корнями старого дуба. Но однажды к нему приходят заяц Прыг и совушка Соня, и рассказывают о таинственной сове, которую лесные жители называют Ночным Кошмаром. По ночам зверям снятся странные сны, а маленькие обитатели леса начинают исчезать. Только Тиша способен пройти по узким подземным ходам под дубом и узнать, что скрывается за пугающими слухами.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	13

Денис Пеков

Тиша и Ночной Кошмар

Глава 1

Глава 1. Мышонок, который боялся шорохов

Под корнями старого дуба стоял маленький домик с круглым окошком, дверцей из коры и крышей, которую каждую осень приходилось чинить сухими листьями.

В этом домике жил мышонок Тиша.

Тиша был совсем небольшим — чуть больше еловой шишки и гораздо меньше хорошего яблока. Шёрстка у него была серо-бурая, ушки — круглые, а нос — такой любопытный, что всегда первым выглядывал из норы, даже если сам Тиша ещё не решался выйти.

Он жил вместе с бабушкой Мышильдой.

Бабушка Мышильда была известна во всём лесу. Она умела заваривать чай из листьев земляники, лечить простуду малиновыми веточками и находить потерянные вещи там, где никто другой не додумался бы искать.

— Если пропал орешек, — говорила она, — ищи не там, где ты его оставил, а там, куда мог унести ветер, жук, ребёнок или собственная забывчивость.

Тиша не совсем понимал, что такое собственная забывчивость, но на всякий случай всегда проверял карманы.

Карманов у него было два: один на жилетке, другой — на маленьком дорожном мешочке. В них Тиша носил самые важные вещи: гладкий синий камешек, три семечка подсолнуха, кусочек бечёвки, карандашный огрызок и сложенный вчетверо листок с картой.

Карту Тиша нарисовал сам.

На ней был отмечен их домик, коряга, похожая на спящего барсука, ручей, заросли папоротника, поляна с красными мухоморами и старый пенёк, в котором жила семья жуков-древоточцев.

Карта была не очень большая — всего с кленовый лист. Но Тиша мог часами сидеть над ней и дорисовывать новые значки.

Вот кружочек — это место, где весной выросли первые колокольчики.

Вот стрелочка — тропинка к ежовой норке.

А вот маленькая звёздочка — там однажды нашли особенно красивое перо сойки.

— Ты бы лучше нарисовал, где у нас лежит запас сушёных яблок, — говорила бабушка Мышильда, заглядывая через его плечо. — А то прошлой зимой ты их искал два дня.

— Я не искал, — смущённо отвечал Тиша. — Я... проводил исследование.

— И что же ты исследовал?

— Насколько хорошо яблоки умеют прятаться.

Бабушка улыбалась, но ничего не говорила. Она знала: Тиша может забыть, где оставил яблоки, зато никогда не забудет, если кому-нибудь в лесу нужна помощь.

Утро в тот день выдалось тихое и прохладное. За круглым окошком шуршали листья. По корням дуба пробегали солнечные пятнышки, а где-то высоко-высоко деловитая белка ругалась на ветер.

— Не трогай мой орех, пушистый воришка! — доносилось сверху.

— Это ветер трогает! — отвечал кто-то другой.

— Тогда скажи ветру, чтобы вернул!

Тиша сидел за столиком, сделанным из половинки желудёвой шляпки, и аккуратно выводил на карте новую дорожку.

— Бабушка, — спросил он, не поднимая головы, — как ты думаешь, если тропинка сначала идёт прямо, а потом вдруг сворачивает, это она передумала?

— Тропинки не передумывают, — ответила бабушка, помешивая чай в маленьком чайнике. — Это звери передумывают. Тропинка просто честно показывает, куда они ходили.

— Значит, она всё помнит?

— Конечно. Земля вообще многое помнит.

Тиша задумался. Ему нравилась мысль, что у каждой тропинки есть память. Наверное, если приложить ухо к земле, можно услышать, как она шепчет: кто прошёл здесь утром,

кто торопился, кто нёс корзинку грибов, а кто забыл дома зонтик и промок до самых усов.

Вдруг снаружи что-то зашуршало.

Тиша замер.

Шорох был совсем тихим.

Ш-ш-ш...

Будто кто-то провёл лапкой по сухой траве.

Потом снова:

Ш-ш-ш...

Тиша медленно положил карандаш.

— Это ветер, — сказала бабушка Мышильда.

— Ветер шуршит сверху, — прошептал Тиша. — А это шуршит... снизу.

Бабушка подошла к двери и прислушалась.

Шорох повторился.

Тиша почувствовал, как кончик хвоста сам собой обвился вокруг ножки стула.

Он не любил шорохи.

Днём шорохи ещё можно было терпеть. Днём всегда понятно, откуда они берутся: жуки ползут в траве, ящерица бежит по камням, ежи собирают листья, белки роняют орехи, а ветер играет с кустами.

Но вечером всё становилось иначе.

Когда солнце уходило за дальние сосны, привычные звуки менялись. Ветки начинали поскрипывать так, словно старый лес разговаривал во сне. Где-то ухала птица. В высокой траве

кто-то осторожно переступал маленькими лапками. А тени становились длинными и такими важными, будто знали что-то, чего не знали все остальные.

Тиша понимал, что бояться стыдно.

Вернее, не совсем стыдно. Бабушка говорила, что бояться могут все — даже самые сильные звери.

— Страх, — объясняла она, — это как колючка в лапе. Он напоминает: будь внимательнее. Но если всё время смотреть только на колючку, можно не заметить, куда идёшь.

Тиша старался быть внимательным. Очень старался.

Но иногда шорох был просто слишком шорохистым.

Дверца приоткрылась, и в домик, пятясь задом, вкатился круглый сухой лист.

Он прокатился по полу, наткнулся на лапку Тиши и остановился.

Тиша несколько секунд смотрел на лист.

Потом выдохнул.

— Вот видишь, — сказала бабушка. — Грозный листопадный зверь.

— Я сразу понял, что это лист, — сказал Тиша.

— Конечно.

— Просто хотел проверить, понял ли это он сам.

Бабушка поставила на стол две чашки с чаем. Чай пах земляникой, мятой и чем-то ещё — тёплым, домашним и очень спокойным.

Тиша взял чашку обеими лапками.

— Бабушка, а ты когда-нибудь боялась темноты?

Мышильда посмотрела в окошко. За ним день уже начал медленно клониться к вечеру. Лучи солнца стали золотыми, а кора дуба — почти медной.

— Конечно, боялась, — ответила она.

— Правда?

— Правда.

— А чего именно?

Бабушка помолчала.

— Когда я была маленькой, мне казалось, что в темноте живёт кто-то огромный. Такой огромный, что он может пройти через лес, не заметив ни одного дерева.

Тиша округлил глаза.

— И он жил?

— Нет, — улыбнулась бабушка. — Он жил только у меня в голове. Однажды я рассказала о нём своему дедушке. А дедушка дал мне фонарик со светлячком и сказал: «Пойди и посмотри, кого ты боишься».

— И ты пошла?

— Сначала не пошла. Потом пошла до порога. Потом — до первой травинки. Потом — до камня у ручья. А там оказалось, что великаном был старый лось. Он чесал рога о сосну и очень сердился, потому что у него на нос сел комар.

Тиша тихонько засмеялся.

— Лось боялся комара?

— Не боялся. Но очень не любил.

— Я тоже не люблю комаров.

— Вот видишь. Даже у самых больших есть то, что им не нравится.

В это время над лесом вдруг прокатился странный звук.

Не вой.

Не крик.

И не скрип ветки.

Он был низким, протяжным и таким глубоким, что чашка в лапках Тиши едва заметно дрогнула.

— У-у-у-ху-у-у...

Звук пришёл сверху.

С самой вершины старого дуба.

Тиша медленно повернулся к окошку.

На мгновение ему показалось, что между ветвями мелькнула большая тёмная тень.

Она расправила крылья — широкие, бесшумные, почти закрывшие кусочек неба.

А потом исчезла.

Тиша сглотнул.

— Бабушка... это была сова?

Мышильда не ответила сразу.

Она подошла к окну и долго смотрела вверх, туда, где ветви дуба переплетались с вечерним небом.

— Похоже на то, — наконец сказала она.

— Но совы ведь раньше здесь не жили?

— Такие большие — не жили.

Снова раздалось:

— У-у-у-ху-у-у...

На этот раз звук был ближе.

За стенкой что-то торопливо пробежало. Сверху посыпалась сухая кора. Где-то хлопнули крылья, и белка, которая весь день спорила с ветром, вдруг умолкла.

Лес будто прислушался.

Тиша придвинулся к бабушке.

— Она страшная?

Бабушка положила лапку ему на плечо.

— Не знаю, Тиша.

Это было хуже, чем если бы бабушка сказала «нет».

Потому что бабушка почти всегда знала ответы.

Она знала, когда пойдёт дождь, почему у одуванчиков бегают головы, где зимуют лягушки и сколько времени нужно держать лапку в прохладной воде после укуса сердитой пчелы.

А если даже бабушка не знала, страшная ли сова...

Тиша снова посмотрел в окно.

Небо темнело. Между листьями зажглась первая звезда.

И вдруг снаружи, совсем близко от дверцы, послышался быстрый, сбивчивый топот.

Кто-то бежал по корням дуба.

Кто-то споткнулся.

Кто-то прошептал:

— Сюда! Я же говорил, тут живёт мышонок!

А другой голос, тихий и недовольный, ответил:

— Во-первых, не «мышонок», а Тиша. Во-вторых, не надо так кричать. В-третьих, ты наступил мне на карту.

Тиша и бабушка переглянулись.

В дверь постучали.

Три раза.

Тук.

Тук-тук.

А потом снаружи очень взволнованный голос произнёс:

— Откройте, пожалуйста! Это срочно! Лесу нужен мышонок Тиша!

Глава 2

Глава 2. Гости в плащах из лопуха

Тиша так и застыл возле окна, прижав уши.

— Лесу нужен... кто? — переспросил он шёпотом.

— Мышонок Тиша, — спокойно ответила бабушка Мышильда. — Видимо, ты.

— Но я же ничего не сделал!

— Иногда, чтобы стать нужным, ничего делать заранее и не требуется.

В дверь постучали снова — теперь уже осторожнее.

Тук-тук.

— Простите, пожалуйста! — слышался снаружи тот же взволнованный голос. — Мы не хотим вас пугать! Хотя, если честно, мы и сами немного... очень... ну, довольно сильно напуганы.

— Это слышно, — заметила бабушка.

Она сняла с крючка маленький фонарик, внутри которого дремал светлячок, и кивнула Тише:

— Открывай.

Тиша сглотнул.

Конечно, ему не хотелось открывать. За дверью могли стоять кто угодно: лиса, барсук, сердитая ворона или даже та самая огромная сова с вершины дуба.

Но голос снаружи был слишком тонким для лисы, слишком торопливым для барсука и слишком вежливым для совы.

Тиша подошёл к дверце, приподнялся на цыпочки и отодвинул деревянную щеколду.

Дверь распахнулась.

На пороге стояли двое.

Первым был заяц — молодой, длинноногий, с белым пятнышком на носу и такими длинными ушами, что одно из них всё время съезжало ему на глаза. На зайце был плащ из большого листа лопуха, подвязанный травинкой. Плащ был весь в репьях, а на одном плече виднелась дырка.

Заяц тяжело дышал, будто пробежал через весь лес без остановки.

Рядом с ним стояла маленькая совушка Соня. Она была почти вдвое меньше зайца, зато казалась вдвое спокойнее. На ней был серый жилет с множеством кармашков, а за спиной — аккуратный рюкзачок из бересты. Из рюкзачка торчали свёрнутые листочки, кусочек верёвки, карандаш и что-то похожее на крошечный компас.

Соня держала в лапках смятый лист бумаги.

— Добрый вечер, — сказала она и слегка поклонилась. — Простите за поздний визит. Вы ведь Тиша?

Тиша кивнул.

— А вы кто?

Заяц тут же шагнул вперёд, запутался плащом в корне ду-

ба, едва не упал, но всё-таки удержался.

— Я Прыг Скокович! — выпалил он. — Заяц. Бегун. Временный помощник лесного старосты. А это Соня. Она... ну... всё знает.

— Не всё, — мягко поправила Соня. — Но многое записываю.

— А я, — продолжал Прыг, — пришёл сказать, что у нас ужасная, невероятная, пернатая беда!

— Прыг Скокович, — сказала Соня.

— Что?

— Не начинай с беды. Мы уже напугали хозяев.

Прыг посмотрел на Тишу.

Тиша всё ещё стоял за дверцей, держась за неё обеими лапками.

— Я не напуган, — быстро сказал он.

В этот момент за окном опять прозвучало:

— У-у-у-ху-у-у...

Тиша вздрогнул так, что дверца скрипнула.

Заяц понимающе кивнул.

— Хорошо. Тогда ты просто очень внимательно слушаешь.

Бабушка Мышильда отступила от окна и указала гостям на стол.

— Входите. Разговоры о пернатых бедах лучше вести за чаем. Особенно если они происходят вечером.

Прыг вошёл первым — боком, потому что боялся задеть

ушами дверной косяк. Соня аккуратно поставила рюкзачок у стены, стряхнула с лапок пыль и села на табуретку из желудёвой шляпки.

Тише пришлось сесть на свой любимый камешек у печки. Он не хотел, чтобы незнакомцы заметили, как дрожит кончик его хвоста.

Бабушка разлила чай по чашкам. Прыг взял свою обеими лапами и сразу отпил слишком большой глоток.

— Ай! Горячо! — пискнул он.

— Чай для того и горячий, — заметила бабушка. — Он должен согреть, а не убежать из чашки от холода.

Соня поблагодарила за чай, достала из рюкзака маленькие очки в тонкой проволочной оправе, надела их и развернула лист бумаги.

— Мы пришли по просьбе зверей с Еловой низинки, — сказала она. — Последние три ночи в лесу происходят странные вещи.

Прыг перестал дуть на чай.

— Очень странные! Белки перестали ночевать в дуплах, потому что слышат, как кто-то скребётся по коре. Кроты вылезают на поверхность среди ночи и говорят, что земля под ними вздыхает. А ежи...

Он понизил голос.

— Ежи боятся заснуть.

Тиша поднял глаза.

— Ежи? Но ежи почти ничего не боятся.

— Вот именно, — сказала Соня. — А сейчас бояться. Им снятся одни и те же сны: большая тень кружит над лесом, а потом с дуба падает чёрное перо и закрывает луну.

Бабушка Мышильда нахмурилась.

— И звери решили, что виновата сова?

— Они не просто решили, — ответил Прыг. — Они её видели! Вернее, почти видели. На вершине дуба сидит что-то огромное. У него глаза светятся, как две жёлтые ягоды, а крылья такие, что...

Заяц развёл лапы в стороны, но тут же понял, что лап не хватит.

— Очень большие, — закончил он.

— Несколько зверей слышали её голос, — добавила Соня. — А утром под дубом нашли перья. Серые, длинные. И ещё следы когтей на коре.

Тиша вспомнил тёмную тень за окном.

Внутри у него стало холодно, хотя в домике было тепло и пахло земляничным чаем.

— Может быть, это просто большая сова? — тихо спросил он.

Прыг и Соня переглянулись.

— Её называют Совой Ночного Кошмара, — сказал заяц. Тиша не сразу понял слова.

А потом понял — и ему совсем не понравилось, как они прозвучали.

Сова.

Ночного.

Кошмара.

Будто три холодных камешка один за другим упали в живот.

— Кто её так называет? — спросила бабушка Мышильда.

— Лесные звери, — ответил Прыг. — И не только наши. Говорят, она появляется там, где леса начинают видеть страшные сны. Говорят, она летает бесшумно и умеет заглядывать в чужие мысли. Говорят...

— В лесу много чего говорят, — перебила бабушка.

Она поставила чашку на стол так тихо, что даже ложечка не звякнула.

— А что вы видели сами, Прыг Скокович?

Заяц замаялся.

— Я... видел тень.

— Какую?

— Большую.

— Это уже известно.

— И глаза, — добавил он. — Два жёлтых глаза.

— А ещё?

— Ещё я очень быстро бежал.

Бабушка кивнула.

— Это, пожалуй, не наблюдение, а разумное решение.

Соня едва заметно улыбнулась.

Тиша тоже хотел улыбнуться, но не получилось.

Он смотрел на свёрнутый листок в лапках Сони.

— А зачем вам я? — наконец спросил он. — Если на дубе поселилась такая сова... вам нужен кто-нибудь большой. Барсук. Лось. Или хотя бы очень храбрая белка.

Прыг вздохнул так тяжело, что его плащ из лопуха зашелестел.

— Мы уже ходили к барсуку Буруну, — сказал он. — Он сказал, что барсуки не воюют с теми, кто живёт на деревьях. Потому что это не его этаж.

— К лосю тоже ходили, — добавила Соня. — Но он сейчас далеко, у речных лугов. А белки...

— Белки готовы помогать, — быстро сказал Прыг. — Но только днём. И только если никто не смотрит на них сверху.

— То есть не готовы, — уточнила Соня.

— Ну... не совсем готовы.

Тиша молчал.

Он никак не мог понять, почему эти двое смотрят именно на него. Он был маленьким мышонком. Даже его тень в лунном свете получалась не особенно внушительной.

Бабушка Мышильда, кажется, думала о том же.

— Почему именно Тиша? — спросила она.

Соня осторожно разгладила листок на столе.

Это оказалась карта.

Но не такая, как у Тиши.

Его карта была нарисована карандашом на листочке и немного пахла сушёными яблоками. На ней тропинки были кривоватыми, значки — разными по размеру, а ручей полу-

чился похожим на толстую гусеницу.

Карта Сони была старой.

Очень старой.

Края её пожелтели и загнулись, а кое-где бумага была склеена тонкими полосками бересты. На ней были нарисованы лесные поляны, ручьи, холмы и, конечно, старый дуб. Только дуб выглядел необычно: от его корней вниз шли тонкие линии, похожие на дорожки.

— Это карта подземных ходов, — объяснила Соня. — Её нашли сегодня утром в старом дупле возле Еловой низинки. Там раньше жил лесной смотритель... ещё до того, как я родилась. И до того, как родился мой дедушка.

— А он был очень старый, — вставил Прыг.

— Твой дедушка или лесной смотритель?

— Оба.

Соня провела лапкой по карте.

— Под старым дубом есть ходы. Узкие, извилистые. Большим зверям туда не попасть. Даже мне в некоторых местах будет тесно. Но мышшь сможет пройти.

— Любая мышшь? — спросил Тиша.

Соня покачала головой.

— Не совсем.

Она достала из рюкзака второй листочек. На этот раз маленький, исписанный неровными строчками.

— На обратной стороне карты есть запись. Мы не всё сумели разобрать. Чернила почти выцвели. Но несколько слов

видно хорошо.

Она прочла:

— «Когда ночной страх спустится на лес, дорогу к сердцу дуба найдёт тот, кто ростом с желудь, а сердцем — больше дуба».

В домике стало совсем тихо.

Даже чайник перестал булькать.

Тиша посмотрел на свои лапки.

Они были маленькие. Обычные мышиные лапки. И ни одна из них не выглядела так, будто внутри неё может поместиться сердце больше дуба.

— Это не про меня, — сказал он.

Прыг моргнул.

— Почему?

— Потому что я не храбрый.

— А кто сказал, что там написано «храбрый»? — спросила Соня.

Тиша не нашёлся что ответить.

— И потом, — продолжила она, — мы пришли не только из-за этой записи.

Она вынула из рюкзака ещё один свёрток.

Тиша заметил, что свёрток перевязан тонкой травинкой точно так же аккуратно, как её плащ и рюкзачок.

Соня развернула его.

Внутри лежала маленькая дощечка из светлой коры. На ней были нацарапаны линии и кружочки.

Тиша наклонился ближе.

Он сразу узнал рисунок.

Это была его карта.

Точнее, копия его карты.

Вот домик под дубом. Вот коряга, похожая на барсука. Вот ручей-«толстая гусеница». Вот даже звёздочка возле места, где нашли перо сойки.

— Откуда у вас это? — удивлённо спросил Тиша.

Прыг поднял лапу.

— Это я принёс!

— Ты? — Тиша так удивился, что даже страх на минуту отступил.

— Ну да. Ты же рисовал карты для лесного праздника весной. Помнишь? Когда все искали потерявшийся мешок с орехами госпожи Белки-Орешницы.

Тиша смутился.

Конечно, он помнил.

Весной в лесу устраивали Праздник Первого Листа. Звери пели, угощали друг друга запасами, соревновались, кто быстрее донесёт желудь через ручей, и обязательно устраивали игру «Найди клад».

В тот раз госпожа Белка-Орешница спрятала мешок с прошлогодними орехами так хорошо, что потом не смогла вспомнить, где именно.

Все думали, что мешок утащила сорока.

Сорока думала, что его утащил енот.

Енот утверждал, что вообще пришёл только на пирог.

А Тиша заметил на земле три обломка скорлупы, след от тяжёлого мешка и свежие царапины на коре. Он нарисовал карту, и по ней все нашли орехи за старым пнём.

— Но это же было просто... — начал Тиша.

— Не просто, — перебил Прыг. — Я тогда видел, как ты нашёл дорогу. Все бегали туда-сюда, спорили, шумели. А ты сел, посмотрел и сказал: «Если мешок тащили, он должен был задевать траву с правой стороны, потому что тропинка наклоняется». И оказался прав!

Тиша почувствовал, как уши у него становятся горячими.

— Мне помогли следы.

— Ты их увидел, — сказала Соня. — А другие не увидели.

Она постучала пальцем по карте.

— Ещё мы спрашивали о тебе лесных жителей.

— О... обо мне?

— Да. Госпожа Белка-Орешница сказала, что ты «маленький, но надёжный, хотя иногда забывает, где положил карандаш». Старый крот Копыч сказал, что ты «не шумный, а значит, слышишь землю». Ежиха Иглица сказала, что ты однажды помог её сыну выбраться из ливневой лужи, хотя сам потом промок до кончиков усов.

— А господин Бобр, — добавил Прыг, — сказал, что ты никогда не бросаешь начатое дело. Правда, он говорил это очень долго. Сначала про плотину, потом про брёвна, потом опять про плотину...

— Он любит обстоятельность, — пояснила Соня.

Тиша не знал, что сказать.

Он помнил и ежонка, и лужу, и потерянные орехи. Но ему никогда не приходило в голову, что кто-то может запомнить такие вещи.

Он считал, что все вокруг намного важнее и смелее него.

Заяц Прыг Скокович мог бегать так быстро, что его хвостик едва успевал за ним.

Соня умела читать старые карты и говорить спокойно даже тогда, когда на верхушке дуба сидела пугающая сова.

А Тиша...

Тиша иногда боялся открыть дверь, если снаружи слишком громко шелестели листья.

— Но почему нельзя просто уйти от дуба? — спросил он после паузы. — Переждать? Пусть сова сидит там, а звери будут жить в других местах.

Прыг опустил уши.

— Нельзя, — сказал он. — Лес как будто стал... неправильным.

Соня кивнула.

— Сегодня утром тропа от Еловой низинки привела нас не к ручью, а к старой лисьей норе. Хотя она никогда туда не вела. У ручья вода потемнела. А на поляне, где обычно растут ромашки, все цветы закрылись ещё до вечера.

— И это ещё не самое страшное, — пробормотал заяц.

— Что же самое страшное? — спросила бабушка.

Прыг посмотрел на Тишу.

— Пропадают маленькие звери.

Тиша почувствовал, как сердце у него стукнуло сильнее.

— Пропадают?

— Не совсем пропадают, — быстро поправила Соня. —

Пока никто не знает. Они уходят вечером, будто слышат чей-то зов, и не возвращаются до утра. Двое бельчат вернулись сами, но ничего не помнят. Только повторяют, что им снился дуб и две жёлтые луны.

— А Колючка? — спросил Тиша.

Прыг отвёл взгляд.

Колючка был маленьким ежонком и лучшим другом Тиши. Они часто вместе ходили к ручью: Тиша рисовал карту, а Колючка находил всё, что можно было съесть, понюхать или случайно уколоть.

— Колючка тоже ушёл? — голос Тиши стал совсем тихим.

— Его мама видела, как он выбежал из норы перед закатом, — ответила Соня. — Он сказал, что идёт посмотреть на «настоящую ночную птицу». С тех пор его не видели.

Тиша вскочил.

— Он пошёл к дубу?!

— Мы не уверены, — сказала Соня. — Но следы ведут туда.

У Тиши внутри всё сжалось.

Колючка был храбрым. Иногда даже слишком храбрым.

Он мог сунуть нос в старую щель, где шипела ящерица,

потому что хотел узнать, почему она сердится. Он однажды попытался перейти ручей по плавающему листу и потом целый день уверял, что это была «проверка лодки».

Если Колючка услышал про сову Ночного Кошмара, он вполне мог пойти к дубу сам.

— Надо искать его, — сказал Тиша.

Он произнёс это прежде, чем успел испугаться.

Бабушка Мышильда внимательно посмотрела на внука.

— Надо, — согласилась она.

Тиша тут же почувствовал, как к нему возвращаются все мысли, от которых хотелось спрятаться под одеяло.

Там дуб.

Там темно.

Там сова.

Там неизвестные подземные ходы.

И там, возможно, Колючка.

Он медленно сел обратно.

— Но... — начал Тиша.

— Боишься? — спросила бабушка.

Тиша опустил глаза.

— Да.

Прыг неловко переступил с лапы на лапу.

— Я тоже, — признался он. — Очень. Я вообще думал, что буду просто посыльным. Прибегу, скажу всё и убегу обратно. Но Соня сказала, что это нечестно.

— Потому что это нечестно, — подтвердила Соня.

— И я остался, — вздохнул заяц. — Хотя мне хочется бежать. Причём желательно в другую сторону. Далеко. На солнечную поляну. И чтобы там было много капусты.

Тиша посмотрел на него.

Прыг был большим. Быстрым. У него были сильные задние лапы.

И всё-таки он тоже боялся.

От этого стало чуточку легче.

Бабушка подошла к полке, где стояли баночки с сушёными травами, мотки ниток и коробочки с нужными мелочами. Она сняла с крючка маленький дорожный мешочек Тиши.

Потом положила в него несколько сушёных яблочных долек, свёрток с мятными листьями, кусочек чистой ткани и маленькую бутылочку воды.

После этого она достала из самого дальнего ящика фонарик.

Он был сделан из прозрачной скорлупки лесного ореха. Внутри на мягком мху сидел светлячок и сонно шевелил усиками.

— Это дедушкин фонарик, — сказала бабушка.

Тиша осторожно взял его.

— Тот самый?

— Тот самый. Только помни: светлячка нельзя трясти, пугать и кормить слишком сладкой малиной. После малины он светит ярче, но начинает петь.

— А он плохо поёт?

— Он поёт громко.

Светлячок в фонарике сонно мигнул зелёным огоньком. Тиша повесил фонарик на шею.

Бабушка поправила его жилетку, застегнула верхнюю пуговку и положила лапку ему на голову.

— Слушай внимательно, Тиша. Не верь тому, кто кричит громче всех. Иногда правда говорит тихо.

Тиша кивнул.

Он знал эти слова. Бабушка повторяла их, когда в лесу спорили, когда кто-то хвастался или когда сойки поднимали такой шум, будто небо вот-вот упадёт на землю.

Но сейчас эти слова прозвучали особенно важно.

— Я не знаю, что вы встретите у дуба, — продолжила бабушка. — Может быть, сову. Может быть, чужой страх. Может быть, чью-то ложь. Не торопись делать выводы. Смотри, слушай и помни: маленький не значит слабый.

Тиша глубоко вдохнул.

Воздух пах чаем, сухими яблоками и домом.

Ему очень хотелось остаться.

Хотелось сказать: «Пусть кто-нибудь другой идёт». Хотелось забраться под тёплое одеяло и ждать утра. Утром всегда проще. Утром даже самые страшные ночные звуки кажутся обыкновенными.

Но Колючка мог быть там, у дуба.

Один.

Тиша взглянул на Сонину старую карту, потом на зайца,

потом на фонарик со светлячком.

— Хорошо, — сказал он.

Голос сперва дрогнул, но Тиша выпрямился и повторил громче:

— Хорошо. Я пойду.

Прыг так обрадовался, что подпрыгнул прямо в домике и стукнулся ушами о потолок.

— Ай! То есть... ура!

Соня свернула карту и спрятала её в рюкзак.

— Тогда нам нужно выйти до полной темноты, — сказала она. — К дубу ведут две дороги. Одна короткая, но проходит через ручей. Другая длиннее, зато безопаснее.

— Длиннее, — тут же сказал Прыг.

— Через ручей, — неожиданно произнёс Тиша.

Заяц уставился на него.

— Через ручей?

— Если Колючка ушёл до заката, он выбрал бы короткую дорогу. Он всегда выбирает короткую дорогу.

— Потому что она короткая? — уточнил Прыг.

— Потому что там можно перейти по камням, а потом найти лягушачьи следы, — ответил Тиша. — Ему это нравится.

Соня внимательно посмотрела на мышонка.

— Значит, идём через ручей.

Тиша надел дорожный мешочек, ещё раз оглянулся на свой столик, карту, чашку с недопитым чаем и круглое окош-

ко.

Домик вдруг показался особенно маленьким, тёплым и безопасным.

Бабушка открыла дверь.

Снаружи вечер уже разливался между корнями дуба. Листья темнели, в траве зажигались редкие огоньки светлячков, а небо над лесом становилось глубоким, синим.

Высоко-высоко, среди ветвей старого дуба, снова что-то шевельнулось.

Тиша не стал смотреть слишком долго.

Он шагнул за порог.

Сначала — на корень.

Потом — на мягкую землю.

Потом ещё на один корень, ведущий в сторону лесной тропы.

Сзади тихо закрылась дверца.

И почти сразу над верхушкой дуба раздался протяжный, холодный крик:

— У-у-у-ху-у-у...

Прыг вздрогнул.

Соня крепче взялась за лямку рюкзака.

А Тиша коснулся фонарика на груди и прошептал, больше для себя, чем для друзей:

— Сначала посмотрим. Потом испугаемся. Если будет чего.